

Шан Сижуй ответил:

— Восемь тысяч.

Чэн Фэнтай сказал:

— Хорошо. Без проблем. Завтра пришло к тебе за деньгами.

Шан Сижуй, желая, чтобы деньги приносили доход, но в то же время беспокоясь о своих сбережениях, с сожалением сказал:

— Не так спешите! Мне нужно подумать.

Чэн Фэнтай закурил сигарету, махнул рукой и с раздражением сказал:

— О чём тут думать, когда речь идёт о деньгах? Если проиграем, я возьму убытки на себя, если выиграем — твоя прибыль. К концу года я гарантирую, что удвою твои деньги. Все будут свидетелями.

Вокруг поднялся шум, кто-то с обидой сказал:

— Почему вы так благосклонны, второй господин? Мы просим вас помочь, а вы отмахиваетесь, а с господином Шаном готовы на все?

Чэн Фэнтай, держа сигарету в зубах, улыбнулся:

— Потому что я его особенно люблю.

Шан Сижуй, услышав это, радостно посмотрел на Чэн Фэнтая и засмеялся, покачивая головой, как ребёнок, что выглядело очень мило. Чэн Фэнтай даже захотелось погладить его по голове и посадить к себе на колени.

Шан Сижуй и раньше испытывал симпатию к Чэн Фэнтаю, но после ночи на Сяншане эта симпатия усилилась, и к ней добавилось доверие. Теперь он постоянно звал его «второй господин», как будто капризничая. Когда Чэн Фэнтай говорил, он всегда вставлял свои реплики, даже если его подтрунивали, и их разговоры становились всё более оживлёнными, добавляя веселья. Окружающие впервые заметили, что господин Шан может быть таким остроумным. Шан Сижуй, казалось, нашёл в Чэн Фэнтае ту же зависимость, что когда-то испытывал к Цзян Мэнпин — бесконечную любовь старшего, о которой он так мечтал. Чэн Фэнтай не обманул его ожиданий, и, когда возникали мелкие вопросы, он всегда говорил:

— Если бы это был кто-то другой, я бы не стал помогать, но если просит господин Шан, то как я могу отказать?

И, поддерживая его за спину, приглашал на обед. Когда он отправлял товары, он всегда откладывал пару интересных вещей для Шан Сижую и Чача'эр, а о своих трёх сыновьях даже не вспоминал.

Однажды он оставил Шан Сижую музыкальную шкатулку для украшений, чёрный лакированный ящик с восемью углами, на крышке которого была вырезана белая роза из слоновой кости. Внутри на зеркале кружилась маленькая фигурка балерины. Фань Лянь, увидев её, поиграл с ней и сказал:

— Шурин, это интересная вещица, отдай её мне.

Чэн Фэнтай ответил:

— Это единственная, и она для господина Шана.

Фань Лянь возразил:

— Если она у него, то у меня не будет?

Чэн Фэнтай сказал:

— Это вещь для женщин и детей, зачем она тебе?

Фань Лянь обиделся:

— А Шан Сижуй — это женщина?

— Он не женщина, он ребёнок. А ты женщина или ребёнок?

— Я подарю её.

— Я тоже подарю.

— Я твой родной зять!

— Даже если бы ты был моим отцом, ничего бы не получил!

Чэн Фэнтай схватил трость, стоящую у стены, и с улыбкой замахнулся на него:

— Положи!

Фань Лянь с обидой вернул шкатулку на место, но затем, озарённый мыслью, быстро подошёл к Чэн Фэнтаю и сел рядом:

— Шурин.

Чэн Фэнтай посмотрел на него:

— Да?

— Ты что, к Шан Сижую...

Чэн Фэнтай, увидев его грязное выражение лица, понял, что он хочет сказать. Фань Лянь действительно спросил:

— Он тебе нравится?

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Ты грязный человек, проваливай!

И действительно ударил его тростью. Фань Лянь тут же ретировался.

Позже Фань Лянь поделился своими подозрениями с Чан Чжисинем. Тот, и раньше недолюбливавший Шан Сижую и презиравший его характер, с презрением сказал:

— Раньше я не замечал, что Шан Сижуй такой обаятельный. Сначала маршал Чжан, потом командующий Цао, а теперь, возможно, ещё и Чэн Фэнтай.

Фань Лянь молчал. Когда мужчина сближается с актрисой, играющей женские роли, это всегда вызывает подозрения. Тем более, что Чэн Фэнтай был таким ветреным, и после нескольких бесед с таким же ветреным актёром, как Шан Сижуй, могло возникнуть что-то неоднозначное. Но Чэн Фэнтай никогда не скрывал своих романов, и, раз уж Фань Лянь не мог найти доказательств, это означало, что всё было только в зачатке, и они ещё не перешли границы.

На самом деле, в то время Чэн Фэнтай действительно просто жалел Шан Сижую, без каких-либо скрытых мотивов. Но то, что эта жалость через полгода вдруг изменила свой характер, казалось, было предопределено судьбой.

На следующий год, также в начале зимы, Чэн Фэнтай в полусонном состоянии был буквально похищен старейшинами торговой палаты и отвезён на обед. Чэн Фэнтай контролировал грузоперевозки на севере, сотрудничая с поселением Фань на юге и поддерживая командующего Цао, что позволяло ему избегать проблем с Маньчжурией. Для особо важных грузов он выбирал обходные пути через горы, чтобы избежать налогов, так как местные бандиты уже были им подкуплены. Таким образом, его дела шли гладко, и прибыль была значительной. Чэн Фэнтай с лёгкостью шёл по обоим путям — легальному и нелегальному, и торговцы, завидуя его успеху, но не имея возможности его остановить, решили на этот раз применить смесь угроз и лести, чтобы захватить его.

Чэн Фэнтай всю ночь играл в карты, проспал обед и проснулся голодным как волк. Как раз в это время торговцы собрались на банкет, и ресторан был неплохой, так что он решил поесть. Сидя за круглым столом, он терпеливо слушал, как они то угрожали, то льстили, разыгрывая

спектакль. Когда подали горячие блюда, он начал есть с аппетитом, а потом попросил добавить риса, не вступая в разговор. Торговцы были озадачены: они говорили о нём и хорошее, и плохое, а он просто ел, не обращая на них внимания. Что это значит?

Чэн Фэнтай, наевшись, положил палочки, медленно вытер рот и руки салфеткой. Все смотрели на него в недоумении.

Чэн Фэнтай спросил:

— Вы все сказали?

Все кивнули:

— Да.

Чэн Фэнтай сказал:

— Тогда моя очередь?

Они снова кивнули:

— Пожалуйста, второй господин.

Чэн Фэнтай, косясь на ближайшего старика, сказал:

— Господин Ли, остальных я ещё понимаю, но как ты смеешь говорить со мной о делах? В прошлом году ты завёз парчу из Ханчжоу по какой цене? А мне сказал другую? Думаешь, я дурак? Ты, старик, пришёл ко мне с просьбой, и я, из вежливости, сделал для тебя убыточную сделку, а ты ещё и наглеешь!

Господин Ли, не ожидавший такой откровенности, покраснел и не мог вымолвить ни слова. Чэн Фэнтай, закончив с ним, перешёл к следующему, и все почувствовали себя неловко. В их кругу было принято говорить одно, а думать другое, и тот, кто лучше обманывал, и выигрывал. Но никто не ожидал, что Чэн Фэнтай будет так прямолинеен. За столом воцарилась тишина.

Чэн Фэнтай встал, одной рукой в кармане, другой держа салфетку, и указал на них:

— После 18 сентября на севере начались проблемы с японцами и бандитами, и вы побоялись ехать, а я, Чэн Фэнтай, рисковал жизнью, пробиваясь через все преграды! Этот путь я проложил своими деньгами! Теперь, когда всё наладилось, вы вдруг решили получить свою долю? Разве в мире бывает так, что всё готово, и вы просто приходите и берёте?

Все молчали, не зная, что ответить. Председатель торговой палаты, уважаемый старик, медленно встал, поднял брови, прикрыл рот платком и кашлянул:

— Второй господин Чэн, так говорить не стоит. У каждой отрасли есть свои правила, и в

торговой палате Бэйпина все ходят по одной дороге. Вы, занимая всё место, нарушаете правила!

Чэн Фэнтай усмехнулся:

— Вы, старик, даже не разобрались, прежде чем навешивать на меня правила. Когда я вступал в вашу торговую палату? Даже если я сегодня открою Шёлковый путь, это не помешает вам идти и зарабатывать. Каждый идёт своим путём, и каждый получает то, что заслуживает!

<http://bllate.org/book/15435/1368570>